

О СЕБЕ, ЭПОХЕ И НАВЕЯННЫХ ЕЮ ИДЕЯХ

Ф.Х.КЕССИДИ, академик

К 80-летию

КРАТКАЯ БИОГРАФИЯ И НЕКОТОРЫЕ ИЗ ОСНОВНЫХ РАБОТ

На Руси не принято чрезмерно распространяться о себе. Это нескромно. В своем «жизнеописании» я постараюсь ограничиться по преимуществу тем, что представляет общественный интерес, отражает в какой-то мере времена и нравы периода исхода нашего жестокого века.

Так вот: судьбе было угодно, чтобы мне — Кессиди Феохарию Харлампиевичу — родиться 13 марта 1920 года среди этноса, оказавшегося скитальцем. Мои предки — трапезундские греки, проживавшие в горной местности Санта, что примерно в 50-60 км к югу от Трапезунда (ныне Трабзон, Турция). Гонения турецких властей на греков и христианское население вообще заставило многих переселиться в православную Россию, в частности в грузинскую горную Цалку (Триалети). Здесь было основано свыше 20 греческих сел, в том числе Санта, откуда я родом. Переселение стало возможным благодаря мирному договору 1829 г., завершившему русско-турецкую войну 1828-1829гг.

Первые три класса школы на греческом языке в с. Санта Цалкинского (Цалкского) района Грузинской ССР я окончил в 1930 году. В том же году мои родители отправили меня в русскую школу г. Тифлиса (Тбилиси), где я и получил среднее образование.

В 1939 году, успешно сдав вступительные экзамены, я поступил на философский факультет Московского института истории, философии и литературы (МИФЛИ).

22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на СССР. Началась война. Многих студентов московских вузов, в том числе и МИФЛИ, отправили в Смоленскую область на сооружение противотанковых рвов. В начале октября 1941 года началось наступление гитлеровской армии на Москву и нас, студентов, срочно вернули в столицу. В середине октября 1941 г. МИФЛИ и многие другие ВУЗы Москвы были эвакуированы на Урал, в Среднюю Азию и другие восточные регионы страны.

Я и мой сокурсник Федор Кочетков вместо приготовлений к эвакуации отправились в ближайший военкомат с просьбой мобилизовать нас в действующую армию (Кочетков был отличным стрелком, а я увлекался классической и грузинской борьбой). Однако оба мы получили отказ: Кочетков по инвалидности, а я — по «инвалидности» другого рода — национальности. Дело в том, что в 1940 г., по предложению Сталина и приказу высших военных инстанций, представителям некоторых национальных меньшинств, в том числе грекам, было отказано в службе в Красной Армии, точнее, приказ, насколько мне известно, гласил: «До особого распоряжения». Впрочем, по сложившейся с давних времен на Руси традиции, в одних случаях приказ выполнялся, в других — забывался или не доходил до исполнителя, в третьих — терялся.

С осени 1941 по сентябрь 1942 г. я работал в отделе пропаганды и агитации Цалкского РК КП Грузии. Цалкский район — единственная в бывшем СССР территориально-административная единица с компактным проживанием греков (в свое время греческое население района составляло свыше 30 тысяч человек, ныне — не более 10-12 тысяч). Цалкский райком партии и актив коммунистов-греков дважды безуспешно обращались в вышестоящие инстанции с просьбой о мобилизации греков в действующую армию. Ходили слухи, что вместо рабочего батальона, куда греков, как правило, мобилизовывали, их отправят на фронт, но только в случае нападения Турции на СССР, то есть на южные границы страны.

Работая в 1942-1945 гг. учителем, а затем завучем сантийской школы, я экстерном закончил 3-й и 4-й курсы факультета философии и психологии Тбилисского университета. В 1945г. МИФЛИ был слит с МГУ, и я был восстановлен на 5-м курсе философского факультета МГУ им. Ломоносова. После окончания (1946 г.) МГУ я был рекомендован в аспирантуру по кафедре истории философии, заведующим которой был известный антиковед профессор М.А.Дынник.

В своей кандидатской диссертации, посвященной философии Гераклита Эфесского, я подверг критике трактование Дынником учения Гераклита и вообще древнегреческой философии. Здесь нет ни возможности, ни надобности излагать истоки моих разногласий с проф. Дынником и с господствующим в то время толкованием истории.

Понятно, что моя диссертация была «провалена» на кафедре истории философии и не допущена к защите в срок (осень 1949). Лишенный стипендии и права проживания в общежитии, я оказался в очень затруднительном положении как моральном, так и материальном. Более того, мало кто из ученых факультета, не желая «портить» отношения с проф. Дынником, готов был стать моим оппонентом (как это предусматривается процедурой защиты диссертации).

В 1950 г. вышла в свет работа И.В.Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», в которой говорилось об установлении «аракчеевского режима» в языкознании, режима, недопустимого в науке (можно подумать, что сам Сталин не был главным инквизитором, душителем свободы мысли). Несмотря

на фарисейство Сталина относительно недопустимости араччевщины в науке, я обратился с письмом в ЦК КПСС и «лично к товарищу Сталину» с просьбой рассмотреть мое дело и поручить руководству факультета назначить мне оппонентов для защиты диссертации. В результате вместо положенных двух оппонентов мне назначили трех (двух профессоров и одного кандидата наук).

На состоявшемся осенью 1950 года Ученом совете факультета по защите диссертаций зал заседаний был переполнен, так как многие ожидали жаркой полемики между мной и проф. Дынником. Однако ожидаемой дискуссии не получилось из-за неявки Дынника на заседание Ученого совета, членом которого он состоял. Защита прошла успешно, то есть диссертация была единогласно признана достойной исковой степени кандидата философских наук. Тем не менее, после защиты диссертации и получения научной степени я не мог поступить на работу преподавателя философии по причине своей беспартийности, точнее, выхода из ВЛКСМ по возрасту. Иначе говоря, негласно существовал запрет на профессию (главным образом по общественным наукам, особенно по такой мировоззренческой области знания, как философия).

В конце концов, я был принят на работу в Московский институт советской кооперативной торговли (МИСКТ) в качестве старшего преподавателя, причем с условием, что буду принят сперва в кандидаты КПСС, а затем и в ее члены.

Короче говоря, 20 лет я преподавал философию студентам и аспирантам Московского художественного института им. В.И.Сурикова, Московского педагогического института иностранных языков им. М.Тореза и других ВУЗов и НИИ Москвы. В 1970 г. был принят на работу в сектор истории философии Института философии АН СССР, который тогда возглавлял мой «однокашник» по МИФЛИ, ныне покойный П.В. Копнин, член-корреспондент АН СССР и действительный член (академик) АН УССР.

В Институте философии я проработал 22 года, до осени 1992 г. Область моих научных интересов — история древнегреческой философии, в частности возникновение и развитие античной философии. По этой теме в 1968 г. успешно защитил докторскую диссертацию, в которой, наряду с оспариванием ряда традиционных решений проблем древнегреческой философии, было отвергнуто распространенное в мировой исторической и философской литературе представление о рабовладельческом характере древнегреческой культуры, в том числе ее экономического базиса. По теме кандидатской диссертации опубликовал две работы, посвященные Гераклиту, а по теме докторской диссертации — книгу «От мифа к логосу» (М., 1972). Переведена на словацкий язык (1976).

В монографиях «Философские и эстетические взгляды Гераклита Эфесского» (1963) и «Гераклит» (1982) отвергалось традиционное представление о древнем мыслителе как «политическом реакционере» и отстаивалась идея о нем как умеренном аристократе, стороннике соловых реформ и стро-

гого исполнения законов. Показано, что диалектика мира (космоса), впервые открытая Гераклитом, не сводится к «панта рей» (всеобщему движению и изменению), она совмещает борьбу и гармонию (единство, согласованность) противоположностей, всеобщее движение и относительный покой всего сущего.

В труде «От мифа к логосу» впервые в мировом антиковедении я попытался раскрыть «механизм» эволюции становления греческой философии, возникновения сознательного из психически бессознательного, а именно: переход от фантастического мифологического отождествления противоположностей к их образно-осознанному художественному сравнению и аналогии (эпос Гомера), и от последних — к понятийному мышлению, к «чистому разуму», открытому Парменидом.

Вышла в свет и монография «Сократ» (М., 1976. 2-е изд. В 1982 г.), в которой «реабилитировался» философ-идеалист. В ней было показано, что афинский философ вполне оправданно не считал признаком «демократии» практику назначения по жребию на государственные должности любого из афинских граждан независимо от его компетентности в данной области деятельности. В книге подчеркивалась также огромная заслуга Сократа, который первым в истории философии предпринял исследование идеального и провозгласил бытие идеального в качестве реальности, не менее подлинной и действительной, чем бытие чувственно воспринимаемых вещей. Нетрудно заметить, что вместе с Сократом «реабилитировался» также идеализм, официально не жалуемый в бывшем СССР. Книга «Сократ» была переведена на французский, чешский, греческий и эстонский языки.

Область моих научных интересов связана также с многолетним (свыше сорока лет) преподаванием курса философии, в частности философских проблем генетики человека, аспирантам и научным сотрудникам (соискателям) Всесоюзного (ныне Российского) НИИ антибиотиков и Всесоюзного (ныне Российского) НИИ генетики и селекции микроорганизмов. В 1987 г. депонировал рукопись своей работы «Философские и этические проблемы генетики человека», а в 1994 г. она вышла в свет отдельной книгой. В течение многих лет преподавал философию аспирантам и соискателям НИИ истории и теории изобразительных искусств при Академии Художеств СССР (впоследствии РФ).

В 1978 г. в Салониках (Греция) состоялся Международный конгресс, посвященный юбилею Аристотеля, а в 1983 г. — аналогичный конгресс в Ксанфи (Греция), посвященный юбилею Демокрита. На конгрессах мне было поручено представлять АН СССР. Участвовал я и в ряде других международных философских конгрессах. Но более всего я рад тому, что мне удалось организовать (при поддержке Тбилисского университета, Института философии ГССР, а также Цалкского райкома партии) ряд Всесоюзных научных конференций, посвященных проблемам древнегреческой философии, названных «Аристотельские чтения». На конференции в мало кому известную горную Цалку съезжались ученые многих научных центров огромной стра-

ны: от Томска до Львова и от Каунаса до Еревана, не говоря уже о Москве и Ленинграде (ныне Санкт-Петербург).

В 30-е годы в бывшем СССР повсеместно были закрыты школы, издания и газеты на греческом языке, а в 40-е годы греческое население, проживавшее на советских берегах Черноморья, было выселено в Среднюю Азию и Сибирь. Это обстоятельство, можно сказать, принудило меня заняться изучением теории и практики лидеров ВКП(б) — КПСС по национальному вопросу. Результат этого изучения представлен в книге «Исторические судьбы и национально-культурные проблемы эллинопонтийцев бывшего СССР» (М., 1997). Мною составлены также «Энциклопедия советских греков» (М., 1994), второе исправленное и дополненное издание — «Энциклопедия греков СНГ» (Ставрополь, 1999).

В результате распада СССР, Павлово-Гайдаро-Чубайсовских «реформ» [1], то есть грабежа советского народа в целом и каждого гражданина в отдельности, я, лишившись своих сбережений и будучи пенсионером, вынужден был переехать на свою историческую родину — Греческую Республику. Как и следовало ожидать от властей, неуважающих права человека, меня лишили пенсии (я до сих пор не получаю пенсии из РФ), а также выписали из приватизированной квартиры.

Разумеется, нелегко жить, да к тому же пересаженным на склоне лет в иную культурную среду, даже если страной переселения является историческая родина. Тем не менее власти Греческой Республики, учитывая мои заслуги в развитии и распространении греческой культуры, нашли возможным поддержать меня материально: принято решение о назначении мне, хотя и скромной, но, тем не менее, персональной пенсии. Было принято во внимание, что многие мои научные работы (книги и статьи) посвящены древнегреческой философии и культуре, а также тот факт, что в 1987 г. Афинская Академия избрала меня своим членом-корреспондентом (в Греции, в отличие от государственной Академии РФ, члены Афинской Академии лишены денежного и иного материального вознаграждения).

Мое положение иностранца («русского») на родине предков облегчается тем, что я не порываю связей с Россией, публикуюсь в центральных российских философских журналах, систематически публикую статьи о России, российских философах и ученых на страницах выходящей в Афинах русскоязычной газеты «Омония». Кроме того, в пятитомном философском и социологическом словаре, вышедшем в свет на греческом языке в 1995 — 1996 гг., мною было опубликовано свыше пятидесяти статей, посвященных видным мыслителям России. В 1995 г. меня избрали действительным членом (академиком) Московской Академии гуманитарных исследований, а в 1996 г. — академиком Санкт-Петербургской Академии гуманитарных наук. С 1998 г. — член Общественного совета Всероссийского журнала «Философия и общество» от Греческой Республики.

Мною опубликовано свыше 250 научных работ, в том числе 10 монографий. Многие из них вышли в свет на 15 языках мира, главным образом на греческом.

Хотелось бы сказать несколько слов о некоторых своих работах последних десятилетий, а также поделиться мыслями, навеянными распадом СССР, да и XX веком как таковым, полным драматических событий, которые, увы, продолжают и поныне на территории бывшего СССР.

Вслед за, так сказать, реабилитацией Сократа возникла потребность в непредвзятом подходе к Платону, имя которого обычно третировалось в книгах и статьях советских авторов. Возникла необходимость в добросовестном изучении его богатого литературного наследия.

В 1979 г. под моей редакцией был издан сборник статей под названием «Платон и его эпоха» (М., изд-во «Наука»). Сборник охватывал проблемы многогранного творчества Платона как основоположника объективного идеализма и родоначальника всех последующих социальных утопий, в том числе коммунистической, о которой пришлось сказать, почти не прибегая к эзоповскому языку, а именно в работе «Этические сочинения Аристотеля», предпосланной в качестве Предисловия к 4-му тому сочинений Стагирита и вышедшей в свет в 1983 и 1984 гг. (общий тираж 200 тысяч экз.)

В «Предисловии» был сделан акцент на критике Аристотелем своего учителя, то есть Платона, особенно на критике этического идеализма. Не входя в детали анализа основных пунктов расхождений между Аристотелем и Платоном, отмечу тот факт, что Аристотель вовсе не оспаривал роли нравственного идеала, а Платон не был столь беспочвенным идеалистом, чтобы не понимать значимости обыкновенных благ для человека и общества. Просто первый делал упор на действительных (относительных, «земных») благах, исходя из сущего, то есть из того, какова реальная жизнь, а второй — на нравственном (абсолютном, «небесном») идеале, ориентируясь на должное, то есть на то, какой должна быть жизнь людей.

В подтексте упомянутого Предисловия проводились недвусмысленные исторические параллели с огосударствлением средств производства в СССР и его последствиями, то есть реализацией в известной степени утопии Платона. Отсюда вывод: в отличие от религиозно-мечтательного Платона, Аристотель выделялся научным складом ума и трезво-реалистическим подходом к жизни. Он считал, что меры по преодолению социального зла (раскола общества на бедных и богатых), предлагаемые Платоном, могут привести к результатам, обратным ожидаемым. Так, Стагирит (то есть Аристотель) утверждал, что общность жен и имущества (собственности) сделает невозможным проявление таких добродетелей, как воздержанность и благородная щедрость. По словам Стагирита, «люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим, или заботятся в той мере, в какой это касается каждого» (Pol. II 1, 10, 1261 b 35). На этом основании Аристотель приходил к выводу «о необходимости сохранения существующей формы собственности» (там же, 1263a 35).

«...Трудно выразить словами, — продолжает Аристотель, — сколько наслаждения в сознании того, что нечто принадлежит тебе, ведь свойст-

венное каждому чувство любви к самому себе не случайно, но внедрено в нас самой природой» (там же, 1263а 40). Но это естественное себялюбие не должно отождествляться с эгоизмом, который справедливо порицается, ибо эгоизм заключается не просто в любви к себе, а в чрезмерной любви к себе (см. там же).

И наконец, почти открыто сказано о порочности стремления к установлению единомыслия, чрезмерной централизации политической власти и управления. «Дело в том, — замечает Аристотель, — что следует требовать относительного, а не абсолютного единства как семьи, так и государства. Если это единство зайдет слишком далеко, то и само государство будет уничтожено; если даже этого не случится, все-таки государство на пути к своему уничтожению станет государством худшим, все равно как если бы кто симфонию заменил унисоном или ритм одним тактом» (там же, 1263 в 30-35).

Надо ли говорить о замечательном предвидении великого Стагирита, предупреждавшего два тысячелетия назад, к чему могут привести ликвидация всякой частной собственности, чрезмерная централизация государственной власти и преследование инакомыслия. Предвидения (если не сказать, пророчества) великого философа сбылись: на обломках сверхдержавы (бывшего СССР) возникли режимы разной степени личной власти.